

Організаційний комітет:

- Белсхова Л. І.** – д.філол.н., професор, професор кафедри англійської мови та методики її викладання, факультет іноземної філології;
- Волкова С. В.** – д.філол.н., доцент, професор кафедри англійської мови та методики її викладання, факультет іноземної філології;
- Демецька В. В.** – д.філол.н., професор, професор кафедри перекладознавства та прикладної лінгвістики, факультет іноземної філології;
- Гізер В. В.** – к.філол.н., доцент, завідувач кафедри перекладознавства та прикладної лінгвістики, факультет іноземної філології;
- Глушук-Олея А. І.** – к.філол.н., доцент, доцент кафедри романо-германських мов, факультет іноземної філології;
- Главацька Ю. Л.** – к.філол.н., доцент, доцент кафедри перекладознавства та прикладної лінгвістики, факультет іноземної філології;
- Голотюк О. В.** – к.пед.н., доцент, доцент кафедри романо-германських мов, факультет іноземної філології;
- Короткова Л. В.** – к.філол.н., доцент, доцент кафедри перекладознавства та прикладної лінгвістики, факультет іноземної філології;
- Ткаченко Л. Л.** – к.філол.н., доцент, доцент кафедри романо-германських мов, факультет іноземної філології;
- Цапів А. О.** – к.філол.н., доцент, доцент кафедри перекладознавства та прикладної лінгвістики, факультет іноземної філології.

6 «III Таврійські філологічні читання» : Матеріали міжнародної науково-практичної конференції, м. Херсон, 19–20 травня 2017 р. – Херсон : Видавничий дім «Гельветика», 2017. – 156 с.

ISBN 978-966-916-299-1

У збірнику представлено стислий виклад доповідей і повідомлень, поданих на міжнародну науково-практичну конференцію «III Таврійські філологічні читання», яка відбулася на базі факультету перекладознавства Херсонського державного університету 19–20 травня 2017 р.

ББК 80я43
УДК 80(063)

НАПРЯМ 1. ЗАСОБИ МАСОВОЇ КОМУНІКАЦІЇ

Присвійні конструкції як засіб вияву індивідуальної авторизації в англомовному журнальному тексті
Андрійшина К. І. 6

**НАПРЯМ 2. ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ,
 ПОРІВНЯЛЬНЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО**

Особливості застосування парадоксу в афоризмах французьких моралістів
Кабіна Ю. Г. 10

Когнітивна наратологія: напрями і перспективи
Лещенко Г. В. 13

Комментаторская традиция и художественная интерпретация
 Песни песней в «Суламифи» А. Куприна
Шулик П. Л. 16

НАПРЯМ 3. ЛІТЕРАТУРА ЗАРУБІЖНИХ КРАЇН

Хронотоп дороги в романе М. Брэдбери «Профессор Криминале»
Гриценко А. В. 21

«Политическое тело»: антропоморфная аллегория идеального устройства королевства в сочинениях Кристины Пизанской
Санжарова Г. Ф., Санжаров В. А. 24

Чудо як підтекстовий смисл у творах Г. Гарсія Маркеса
 (на матеріалі оповідання «Я наймаюся бачити сни»)
Фока М. В. 28

**НАПРЯМ 4. ЗАГАЛЬНЕ, ПОРІВНЯЛЬНО-ІСТОРИЧНЕ,
 ТИПОЛОГІЧНЕ МОВОЗНАВСТВО**

Поширення метатезованих форм у сучасних говірках південно-західного наріччя
Коваленко Н. Д. 33

Когнітивний, лексикографічний та структурно-семантичний аспекти термінології
Семикрас Т. І. 35

Історико-лінгвістичний аспект проблеми звукового символізму
Скицько О. А. 39

Просте речення в англійській та українській мовах: порівняльна характеристика
Стогній І. В., Никонорова Л. І. 42

Складоподіл слова в концепції гармонії звучання
Теряєв Д. О. 45

«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТЕЛО»: АНТРОПОМОРФНАЯ АЛЛЕГОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА КОРОЛЕВСТВА В СОЧИНЕНИЯХ КРИСТИНЫ ПИЗАНСКОЙ

САНЖАРОВА Г. Ф.

старший преподаватель

*кафедры романских языков и сравнительно-типологического языкознания
Института филологии Киевского университета имени Бориса Гринченко*

САНЖАРОВ В. А.

кандидат исторических наук

г. Киев, Украина

Антропоморфные теории общественного устройства нередки у средневековых авторов. Кристина Пизанская также отдает дань этой традиции в своих работах, прежде всего в «Книге деяний и добрых нравов мудрого короля Карла V» (1404), «Книге политического тела» (1404-1407) и «Книге мира» (1412-13). На волне исследовательского интереса к творчеству Кристины в последние несколько десятилетий ее политические теории и взгляды на социальное устройство стали предметом пристального внимания. Выводы расходятся кардинально. Одни специалисты (Франсуаза Отран, Жанина Кийе) рассматривают взгляды писательницы на общество в рамках средневекового политического дискурса, подчеркивают преемственность и консервативность представлений о внутренней иерархии общества как предпосылке социального и политического порядка [1, с. 326-7, 364-8; 4, с. 41, 145]. Другие делают акцент на оригинальности политической философии Кристины Пизанской, стараясь увидеть в ней если не предвосхищение современных политических ценностей (пацифизм, прото-демократизм, инклюзивность, антиклерикализм, светскость, эгалитаризм), то, по меньшей мере, идей более поздних мыслителей, таких как Никколо Макиавелли или Эразм Роттердамский.

Кэри Дж. Нидерман полагает, что политическая теория Кристины Пизанской является примером нового понимания «политического тела» в рамках общего для интеллектуалов XIV-XV веков представления о том, как должно быть организовано человеческое сообщество. Традиционное «головоцентристское» представление об общественном устройстве базировалось на постулировании необходимости иерархии, уважения и подчинения в социальном порядке, идеях легитимности монархической власти. Марсилиус Падуанский, Николай Кузанский, Николя Орем и Джон Фортескью разрабатывают новую концепцию политического тела, в которой на первый план выходят ответственность правителей перед сообществом и верховенство закона. В новой концепции «политического тела» голова из командира тела превращается в его слугу, акцент делается на взаимосвязи, взаимозависимости

всех органов; внутри тела должно поддерживаться естественное равновесие ради здоровья и благополучия всего организма [3, с.60-1, 63-8, 73-8, 80-87].

С. Ригби, сравнивая политические коннотации Кристины с теориями ее предшественников Иоанна Солсберийского («Policraticus», 1159 г.) и Жюль Римского («De Regimine Principum», около 1280 г.), известным ей по французским переводам, приходит к выводу о наличии широкого социального мировоззрения, пытавшегося примирить «справедливость» и «неравенство». По его мнению, оригинальность взглядов Кристины Пизанской на общество не в их принципиальной новизне, а в новом способе подачи и изложения традиционных идей о «естественном равновесии в теле» и о том, что никакая часть «тела» не может претендовать на непропорциональную долю общих благ сообщества. Само время написания работы (1404-07 гг.), когда королевство находится на грани гражданской войны, свидетельствует, по мнению С. Ригби, не о демонстрации интеллектуальной изобретательности автора, а о попытке практического вмешательства во время глубокого политического кризиса. В периоды упадка, дезорганизации центральной власти и нарастания кризисных явлений насущными задачами политического мыслителя и историка становятся переосмысление традиции, поиск возможных путей выхода из создавшейся ситуации [5, с.464-468]. Наконец, существует точка зрения, что труды Кристины по политической философии – это одновременно и дидактические трактаты, и произведения художественного творчества. В этом случае авторская изобретательность заключалась не в их политическом содержании, а в искусстве формы, в которой это содержание было выражено.

В «Книге о политическом теле» Кристина Пизанская, находясь в «стриме» общественно-политической мысли своего времени развивает теорию о «балансном» государстве, общественной взаимосвязи и государственном управлении, реализует задачу примирения идей иерархии и послушания с идеями справедливости и равенства. Она сосредотачивается главным образом на персоне короля и его обязанностях, и тем самым обосновывает легитимность королевской власти и необходимость сохранения права наследования французского престола. Правитель должен осознавать органическое единство королевства, его действия не должны наносить вреда тем, от кого в конечном счете зависит и его собственное благополучие. Задача короля обеспечивать правосудие своим подданным [2, I: 1, 12, 16, 19, 21; III: 1]. Король должен помнить о влиянии своей политики на всех членов общества, в том числе наиболее уязвимых и не имеющих возможности защитить себя. Он должен проявлять умеренность в сборе налогов и получать только то, что «разумно собирать» у подданных. Для поборов должны быть веские причины, такие как защита страны от внешних врагов, и он должен делать это «не догрызаясь до костей бедных простолюдинов». Кристина приводит высказывание императора Тиберия, заимствованное у Валерия Максима: «добрый пастырь стрижет своих овец только один раз в год» [2, I: 9-11]. Когда король или кто-либо другой стремится обогатиться за счет других людей

это похоже на одну часть тела, пытающуюся «привлечь к себе кровь, здоровье и субстанцию соседней конечности», что вызывает слабость и ухудшение всего тела. Для Кристины аксиома, что мудрые «принцы скорее должны быть бедными в богатой стране, чем богатыми и обеспеченными в бедной». И не столько из соображений морали, сколько благодаря прагматическим соображениям, вытекающим из концепции общественной взаимосвязи. Кристина уверена – принц должен знать и помнить, что «величие господства» преходяще, что мирские блага и почести недолговечны, и что однажды он будет вынужден отвечать за свои поступки, опасаясь потерять вечное спасение [2, I: 6-7]. Главной добродетелью монарха выступает умение управлять королевством так, чтобы «дела были в добром расположении, царствовали мир и право».

Очевидным исключением из согласия Кристины с предшествующими политическими теориями была ее защита женской добродетели, рациональности и осмотрительности, а также способности женщин участвовать в жизни общества. Кристина восхваляла женщин-регентов и считала само собой разумеющимся, что они могут «управлять великими державами», например, в качестве главы совета, во время малолетства наследника трона или в отсутствие мужа-принца и от его имени. Женщины способны реализовать делегированные им «ответственность и полномочия управлять», но при этом должны руководствоваться советами «мудрых стариков». Хотя Кристина отвергала утверждения Аристотеля об интеллектуальной неполноценности женщин, более общее мнение философа о людях как «социальных животных», о различии социальных ролей мужчин и женщин лежало в основе ее представлений о правильной организации общества.

В сочинениях Кристины Пизанской аллегория «политического тела» использована для объяснения установленного Богом миропорядка и правового статуса всех сословий и чинов. Социальный антропоморфизм покоился на вере в то, что все в этом мире сотворено Богом по единому закону, и поэтому организация общества подобна строению человеческого тела. По убеждению Кристины, каждый человек, являясь частью Природы и Божественного миропорядка, рождается свободным по христианскому и естественному законам. Но он существует в обществе, где действует не естественное право, по которому живут звери и птицы, а человеческое, предполагающее общественное неравенство и разделение на сословия [2, I: 14]. Хотя она представляла «простых тружеников», обрабатывавших землю, как «самую необходимую» из всех частей политического организма [2, III: 10], дворяне, рискующие жизнью ради общественного блага, еще более важны для королевства [2, I: 29]. Единственное требование к дворянству – соответствовать своему благородному званию [2, II: 13]. И политическая теория Кристины, и ее социальная философия были основаны на неизбежности неравенства и на желательности терпения, послушания и уважения со стороны простых людей. Кристина нападала на нарушителей спокойствия и установленных порядков: для нее они «черви земли», «отвратительная, ядовитая масса вреди-

телей» и «чума» на земле. Отношение Кристины к бедным было, таким образом, смесью сострадания и страха: сострадание, когда они страдали, но страх, когда они действовали по собственной инициативе. Восстание кабошьенов в Париже в 1413 г. утвердило обеспокоенность писательницы издержками и опасностями народного правления. Если человеческая природа в целом «склонна ко всем порокам, когда рассудительность и разум не вмешиваются», то, по мнению Кристины, наиболее подвержены им простые люди «потому что не получают наставлений о добродетели или о том, как отличать добро от зла», так что многие из них «немного лучше, чем звери». До власти добралась «низкороденная и звериная толпа» с её «безумным правительством» и «дьявольскими» собраниями; восстание кабошьенов продемонстрировало, что бедные желали гражданской войны, чтобы иметь возможность «настигнуть богатых». Предоставление власти бедным «ничем не отличается от предоставления лицензии грабителям и убийцам», и было бы великой глупостью, если бы король «позволил простым людям вооружаться». Выход в безоговорочном подчинении правителю, причем даже плохому. Французы должны быть благодарны своим монархам, которые относились к ним мягко и с любовью и управляли «без тирании» [2, III: 2].

Кристина высоко ценит личную свободу человека, но ее проявление видит не в независимости от воли других людей, а в неподвластности порокам, позволяющей с честью сносить все жизненные невзгоды. Свободные, т.е. добродетельные люди «поддерживают порядок, благоприятный для всех членов политического тела», и поэтому она призывала отстаивать личную свободу ради обеспечения согласия в обществе. Именно согласие как между разными сословиями, так и членами одного сословия поддерживает тот социальный порядок, при котором «мастерство благородных людей проявляется в защите короны и государства, ученых людей – в правоведении и науках, буржуа – в их собственных занятиях, купцов – в торговле, ремесленников – в их ремеслах, крестьян – в сельских работах». При этом «каждый человек, зная свое место, никогда не посягает на чужое» и остается верноподданным своему сеньору и королю, выполняя тем самым заповеди Священного писания, согласно которому «правители власть имеют по Божьему велению».

Политические пристрастия Кристины Пизанской не выпадают из общественно-политических построений ее времени, они вполне определены и достаточно четко выражены. Она монархист, убежденный сторонник сильной центральной власти; ее государь – единственно возможный гарант мира и общественного блага страны. Используя в «Книге о политическом теле» аллегория человеческого тела для описания общественного устройства Кристина Пизанская впервые в средневековой политической теории подкрепляет ее разбором ряда бинарных оппозиций: здоровья и болезни, роста и распада, баланса и дисбаланса. Как и многие ее современники она увидела в сильной и авторитетной монархии ответ на внутренний беспорядок и внешние угрозы для королевства.

Список литературы:

1. Autrand, F. Christine de Pizan: une femme en politique / François Autrand. – Paris: Fayard, 2009. – 506 p.
2. Christine de Pizan Le livre du corps de policie / éd. Angus J. Kennedy. Paris: Honoré Champion, 1998. – 230 p.
3. Nederman, C. J. Body Politics: the Diversification of Organic Metaphors in the Later Middle Ages / Cary Joseph Nederman // Pensiero Politico Medievale 2004, 2, P. 59-87.
4. Quillet, J. De Charles V à Christine de Pizan / Jeannine Quillet. – Paris: Perrin, 2004. – 174 p.
5. Rigby, S.H. The Body Politic in the Social and Political Thought of Christine de Pizan. Part I: Reciprocity, Hierarchy and Political Authority. Part II: Social Inequality and Social Justice / Stephen H. Rigby // Cahiers de recherches médiévales et humanistes, 2012, 24, P. 461-483; 2013, 25, P. 559-579.

**ЧУДО ЯК ПІДТЕКСТОВИЙ СМИСЛ У ТВОРАХ Г. ГАРСІА МАРКЕСА
(НА МАТЕРІАЛІ ОПОВІДАННЯ «Я НАЙМАЮСЯ БАЧИТИ СНИ»)**

ФОКА М. В.

кандидат філологічних наук,

доцент кафедри української літератури та мови

тому разом з
матія перес
Вільяда, «ру
одним з незм
Зверніме
рофог»), що
Оповідан
привертає н
тиметься п
ється обра
чи таємни
Почато
Рів'єра». В
декілька ав
був один з
кінка. «І
означає о
заінтригу
Ця де
вивитись о
довідавсь
ки, що бу
Образ